

РОССИЯ В ИСТОРИИ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ЕЁ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Саврей Валерий Яковлевич

Д.ф.н., профессор, МГУ им. М. В. Ломоносова
vsrvy@icloud.com

RUSSIA IN THE HISTORY OF THE WORLD CIVILIZATIONS AND RUSSIAN NATIONAL MISSION

V. Savrey

Summary. The article provides a positive assessment of the cultural and historical role of Russia in the world historical process. Among the most significant events that determined Russia's involvement in the Hellenistic-Byzantine-European civilization, there are: a) the establishment of Russian statehood in 862AD, b) the adoption of Christianity by Kievan Rus in 988AD, c) the rise of Moscow Russia as the successor of Byzantium in the end of the 15th century, d) Russia enters the international political arena in the beginning of the 18th century, e) the fall of the Russian Empire in 1917 and f) the beginning of the revival of historical Russia that took place the end of the 20th century.

Through its more than 11 centuries of history, Russia was the second (after Byzantium) to reveal the majestic and original type of Orthodox Christian civilization, impressive enthusiasm for the economic development of geographical spaces, the grandeur of the scale of state building, the splendor of classical fiction, the depth of religious and philosophical insights, the charming appeal of high and inspired culture.

Keywords: East, West, history, culture, mission, Orthodoxy, Christianity, civilization.

Аннотация. В статье содержится позитивная оценка культурно-исторической роли России во всемирно-историческом цивилизационном процессе. Среди важнейших знаковых событий, определивших вовлечение России в эллинистическо-византийско-европейскую цивилизацию, называются 862 год — установление Русской государственности, 988 год — принятие Киевской Русью христианства, конец XV века — возвышение Московской Руси как преемницы Византии, начало XVIII века — выход России на международную политическую арену, 1917 год — падение Российской империи, конец XX века — начало возрождения исторической России. В своей более чем 11 — вековой истории Россия явила второй после Византии величественный и оригинальный тип православно-христианской цивилизации, впечатляющей энтузиазмом в экономическом освоении географических пространств, грандиозностью масштабов государственного строительства, блеском классической художественной литературы, глубиной религиозно-философских прозрений, очаровательной привлекательностью высокой и одухотворённой культуры.

Ключевые слова: Восток, Запад, история, культура, предназначение, православие, христианство, цивилизация.

Новое время стало эпохой, ознаменованной открытием древних культур и мировых цивилизаций, эпохой, которая открыла универсальную панораму всемирного культурно-исторического процесса, начиная от древнейших памятников сакральной и ещё до конца не разгаданной культуры палеолита и кончая современной действительностью с её нерешёнными проблемами и глобальными вызовами. «Перед нами разверзлась бездна прошлого и будущего» [Ясперс 1991, 29], та необъятная сфера, где ведётся поиск «рудиментов прошлого и ферментов будущего в сочетании с выявлением системных ориентиров, позволяющих в разнообразии культурных феноменов

усмотреть скрытые иерархии и параллелизмы» [Троицкий 2007, 222].

Универсализмом своей природы, открываемой в её потаенной глубине, русская цивилизация обязана древнейшим истокам творческого становления народов Востока, строивших свою государственность и создававших цивилизацию древнего мира. Месопотамия, Финикия, Крит, Индия, Персия, Япония и Китай внесли свой исторический вклад в процесс формирования мировой цивилизации. Древние культуры этих народов оказали влияние на средиземноморскую и европейскую цивилизации, включая и Россию. «Но о какой бы научной или

религиозной ценности современной жизни мы бы ни говорили, она унаследована нами от этих трёх стран: Египта, Греции и Палестины» [Уайтхед 1990, 500].

Мировая цивилизация охватывает во времени и пространстве весь земной шар, где «все мы, люди, происходим от Адама, все мы связаны родством, созданы Богом по образу и подобию Его» [Ясперс 1991, 31]. Человек имеет предназначение быть и осваивать пространство мировой ойкумены. Мореплавание, связавшее великие государства древности, позволило народам Античности более объективно и трезво взглянуть на себя со стороны и в то же время вело их к взаимному обогащению их жизненным опытом. В результате исторического взаимодействия культур «Египет дал зрелую технологию, возникшую за трёхтысячелетнюю историю этой цивилизации, Палестина — законченную религиозную космологию, Греция — ясные и строгие обобщения мысли, ведущие к философии и науке» [Уайтхед 1990, 500].

Древние цивилизации отдалены от нас культурно и исторически. «Мы, — как выразился Поль Рикёр, — принадлежим к иной эпохе бытия, к метафизической поро» [Рикёр 2017, 153], для которой жизнь души в парадигме онтологической действительности и этического действия является «основополагающей формой бытия» [Там же]. Новые философские системы отражают грандиозные изменения, происходящие в сфере культуры и определяющие лик современной эпохи.

Ханс Кюнг неоднократно повторял, что «мы живём в эпоху, для которой характерна интеллектуальная и нравственная честность» [Гильдебранд 1998, 87]. Как многие его современники он полагал, что нынешнее отношение человека к жизни честнее и откровеннее по сравнению с пуританством викторианской эпохи «с его лицемерием, притворной стыдливостью и условностями» [Там же]. Интеллектуальную и этическую нечестность современного человека Дитрих фон Гильдебранд видит в его стремлении «приспособить истину к своим поступкам: принять за норму своё поведение *de facto*, отрицать значимость нравственных законов по той причине, что не удалось жить в соответствии с ними» [Там же, 89].

Упадок морали и нравственной культуры в современном мире связан с утратой веры в достоинство традиционных христианских доктрин. «Во-первых, доктрина о грехе. С начала XVIII в. на протяжении всего периода её критиковали больше всех. Такие понятия, как «первородный грех», вызывали смех, и относиться к ним всерьёз считалось постыдным» [Тиллих 1995, 390]. Время легкомысленного отрицания глубинных проблем, по-видимому, прошло, и религиозный фактор сохраняет свою значимость в современном мире и теперь, спустя

целые тысячелетия, несмотря на то обстоятельство, что большая дорога истории уже давно проходит мимо христианства и Церкви. Тем не менее, есть основания констатировать, что «христианство — весть о Новой Реальности, которая делает возможным исполнение нашего сущностного бытия» [Там же, 391], представляет собой фактор величайшей духовной и культурной значимости, поскольку христианство в своих фундаментальных нравственных постулатах противостоит энтропийным процессам, как на уровне отдельной человеческой личности, так и на уровне больших социальных и геополитических систем, одной из которых является Россия.

Аналитическая оценка ментальных и культурных тенденций последнего времени даёт основания предполагать, что наступает новая всемирно-историческая эпоха как время восхождения человечества на вершину своего исторического пути, как высшая акмеическая фаза мирового общечеловеческого развития. В то же время следует отметить, что на протяжении последних веков интерес человека к религиозным и духовным вопросам систематически подавлялся, однако потеря «энергии трансцендентного» ощущалась не как потеря, а как «достижение зрелости» [Уотсон 2017, 557]. Окрылённый духом рационализма, сциентизма, материализма, нигилизма, человек современной западной цивилизации утратил «контакт с той фундаментальной истиной» (Marcel 1935, 281), которая раньше открывала ему присутствие Бога в его индивидуальном образе жизни.

С точки зрения М. Хайдеггера, «история западноевропейской философии со всем её блеском, всеми её роскошными прорывами, откровениями и отклонениями есть не что иное, как процесс расставания с бытием» [Дугин 2010, 64]. История философии несёт в себе отражение истории цивилизации. «Стало быть, это история заката солнца, история длящейся катастрофы, история блужданий и заблуждений» [Там же].

В наступившем XXI веке человечеством достигнут невиданный научно-технический прогресс, какого ещё не знала история. Но этот прогресс несёт в себе поклонение новым кумирам нашего времени, какими стали комфорт, потребительство, роскошь, коммуникативные и информационные технологии, скорость. К. Ясперс, для которого все мотивы критики современности оказываются вековой давности, цитирует датского писателя XIX в. Н.Ф.С. Грундтвига: «Наша эпоха находится на перепутье, быть может, на самом резком повороте, известном истории; старое исчезло, а новое колеблется, не зная спасения, никто не решит загадку будущего» [Ясперс 1996, 295]. Если вместе с историей меняется и историческое мышление, то «в наше время оно определяется осознанием кризиса, которое в течение последних ста лет или более постепенно углублялось и теперь характеризует

мышление почти всех людей» [Там же, 241]. И вновь, как в своё время пронизательно заметил П. И. Новгородцев, политическое творчество встречается с трудностями, открывающими зияющую бездну, готовую поглотить мечты о земном рае [Новгородцев 1991, 34].

Действительность нашего времени в своих парадигмальных характеристиках не соответствует задачам воплощения в человеческой жизни, как в личной, так и в общественной, высших духовных ценностей — мировоззренческих, религиозных, нравственных, то есть тех ценностей, воплощение которых могло бы свидетельствовать о присутствии в общем универсуме бытия абсолютного Божественного Начала, способного придать человеческому существованию безусловное оправдание и высший онтологический смысл.

Восхождение современного мира на цивилизационную вершину своего исторического пути является совсем не тем, каким его предчувствовал Блаженный Августин (*De civitas Dei*, XX), потому что «вершина эта понималась как конечное «спасение» человечества Божественной силой», как об этом говорит в своём комментарии академик Н. И. Конрад [Конрад 1972, 447].

Исследуя исторические истоки современных цивилизаций, английский историк XX век Арнольд Тойнби считал, что «каждая из них имеет в своём лоне какую-то универсальную церковь» [Тойнби 1996, 423]. Тойнби связывал цивилизационно-исторический процесс с глубинным проявлением религиозно-мировоззренческих факторов, определяющих фундаментальный характер каждой из современных цивилизаций.

«Так, западная и православно-христианская цивилизация с ветвью православного христианства в России через Христианскую Церковь восходит к эллинистической цивилизации; дальневосточная цивилизация и её ветвь в Корее и Японии через махаяну связаны с древнекитайской цивилизацией; индуистская цивилизация связана через индуизм с индийской, а иранская и арабская — через ислам с древнесирийской» [Там же].

Родившись в недрах эллинистической цивилизации, в географических пределах Средиземноморской ойкумены, христианская цивилизация стала доминирующей цивилизацией среди других цивилизаций мира и предопределила своим развитием весь мировой культурно-исторический процесс. «Явилось христианство, начало нового мира. Оно... осватило державную власть печатью Божественного права, объявило царей, отцов народа, помазанниками Божиими. И вот новая блистательная жизнь заструилась в жилах человеческих. Европа воскресла и создала себе ту великолепную цивилизацию, которая дала ей первенство во вселенной» [Чаадаев

1989, 544]. Своей принадлежностью христианской цивилизации Россия обязана Византии, преемницы древней Эллады, которая стала колыбелью европейской цивилизации, когда «вышла на сцену истории в песнях Гомера» [Там же].

В своём фундаментальном геополитическом исследовании «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский исследует вопрос о политических и культурно-исторических предпосылках распространения христианства. Данилевский отмечает, что «Греция, столь богатая своей цивилизацией, была, однако же, бедна политической силой, чтобы думать о распространении эллинизма между другими народами, пока македоняне — народ эллинского же происхождения или эллинизированный ещё в ранний этнографический период своей жизни — не приняли от неё цивилизации и не сообщили ей политической силы» [Данилевский 2003, 97–98].

Александр был первым, кого история назвала Великим, кто осуществил «покорение Востока» [Тиллих 1995, 44], и чьё имя ознаменовало собой приближение и начало новой эры во всемирной истории человечества [Дройзен 2002, 7]. Как отмечает Данилевский, «Александр взялся не только покорить Восток, но и распространить в нём греческую цивилизацию» [Данилевский 2003, 98], имевшую своим историческим предназначением стать колыбелью христианства. В оценке Данилевского, «за эту возвышенно-гуманитарную цель Александровых завоеваний ему прощаются завоевательные замыслы, и он принимает в глазах истории размеры героя человечества» [Там же]. В пределы созданной Александром Великим великой ойкумены, одной из частей которой стала впоследствии Римская империя, вошла Палестина — регион, в котором три века спустя совершились события Боговоплощения и Пятидесятницы и возникла Христианская Церковь. Всемирно-историческое значение этих событий было отмечено академиком Н. И. Конрадом: «На рубеже нашей эры, в третьем, переднеазиатском, центре исторической жизни, в Иудее, устами Иисуса из Назарета была провозглашена заповедь «любите друг друга». Вместе с христианством она перешла к народам Европы. Такова была концепция гуманизма в древности. Она в своей основе сохранила своё значение и в наше время» [Конрад 1972, 481].

По мысли К. Барта, «Завет между Богом и человеком составляет первый и последний смысл человеческой истории» [Барт 2014, 313]. Логоцентризм истории предполагает исполнение предназначения, возлагаемого на мировые цивилизации. На смену древней эллинистической цивилизации пришла цивилизация римская, положившая начало христианской европейской цивилизации. С утверждением христианства восточная часть Римской империи с новой столицей на берегах Босфора — Кон-

стантинополем, получившая в истории название «Византия», явила миру первый величайший тип православной христианской цивилизации. Это была цивилизация, которая поражала воображение современников стройной системой догматического учения Церкви, нравственным превосходством этического учения Евангелия, богатством и глубиной патристического наследия, художественной изысканностью византийского литургического обряда, грандиозностью и величием архитектурных сооружений, высотой технических достижений, совершенством административного управления, стратегическим могуществом армии, благолепием великой Святой Софии, красотой и богатством столицы империи восточных ромеев. После падения Константинополя в 1453 году православная миссия Византии перешла к Святой Руси, которая стала наследницей Византии в династическом, историческом, культурном и религиозном отношениях.

Русская цивилизация начинается с установления русской государственности в Великом Новгороде в 862 году и с учреждения христианства в России в 988 году. Оба события имели в истории России фундаментальное, судьбоносное значение, определившее на века её национальную судьбу.

Крещение Руси — это ключевой, поворотный момент нашей отечественной истории. Это событие воспринимается нами как историческая эпопея цивилизационного масштаба, заключающая в своём содержании необъятный духовно-конструктивный преобразующий смысл. Это событие, как подчеркнул глава государства, президент России В.В. Путин, определило дальнейший многовековой путь России, оказало влияние на всё мировое развитие. Оно открыло эпоху, к которой все мы принадлежим и поныне.

В событии Крещения Руси, явившимся историческим принятием христианства, просвещением русского народа светом Евангелия, его приобщением к царству Божественной благодати, открылась ноуменальная парадигма национальной судьбы России, её историческое призвание.

Свою цивилизационную миссию в мире Россия впервые осознала в XV веке, когда история распорядилась в отношении роли Москвы как преемницы великой и блистательной Византии. Грандиозность происшедших геополитических перемен не могла не отразиться в характере русской национальной судьбы.

«Неожиданное превращение маленького Московского княжества в самое большое государство в мире невольно привело его народ к мысли, что он наделён миссией спасти восточное христианство» [Тойнби 1996, 405]. П. Н. Милюков отмечает, «что политическое паде-

ние православных царств связано с их религиозной изменой и что политическое господство Москвы есть следствие её религиозной непоколебимости» [Милюков 1930, 56]. Следует также отметить глубокое нравственное благочестие русского народа, которое бросалось в глаза иностранцам посещавшим Россию. Например, Пэрс отзывался о «простой доброте русского крестьянина» [Pares 1915, 99].

«Англичанин Грахам в книге «Неизвестная Россия» писал: «Русские женщины всегда стоят перед Богом; благодаря им Россия сильна» [Лихачёв 1989, 514]. С момента учреждения христианства при святом князе Владимире, Красном солнышке Древней Руси, вплоть до последних дней царствования святого Государя Николая Александровича Россия полагала своим высшим призванием актуальное исполнение Евангелия во всех сферах государственной, общественной и народной жизни. На всём протяжении своего исторического пути Россия стремилась служить духовному и материальному благу входящих в её ограду славянских, угро-финских, тюркских и монгольских племён, вводя их в ограду Восточной Церкви, создавая для них национальную письменность и приобщая их к укладу экономической и культурной жизни. В то же время Россия проявляла попечение и деятельное участие в жизни народов православного Востока, Восточной Европы и, в особенности, Балканского мира.

На протяжении первых веков своего государственного бытия православная Киевская Русь защищала народы Европы от набегов со стороны кочевников Великой степи. На своих бескрайних равнинах Русь поглотила бесчисленные полчища чингисидов, в результате чего христианская Европа, спасённая русской кровью, имела благоприятные условия для своего экономического и культурного процветания. В Новое время Россия освобождала народы Европы от наполеоновских завоеваний, она освобождала народы Балканского мира от многовекового османского владычества, в XX веке она дважды стала несокрушимой преградой на пути агрессивного германского милитаризма и внесла решающий вклад в победу над ним в Первой и Второй мировых войнах.

Вплоть до конца XVII века ни в Европе, ни в России не делалось каких-либо прогнозов относительно места России в новом культурно-цивилизационном пространстве. «Ситуация изменилась после выхода на историческую арену Петра Великого. После 1694 г. Лейбниц разработал несколько новых проектов всеобщего мира, на этот раз для всех известных частей планеты. В них впервые предусматривалось, что Россия будет ведущей славянской державой, благодаря которой Азия может быть вовлечена в европейскую культуру» [Роте 1985, 15]. Через петровское окно в Европу «сквозной ветер должен был освежить невежественный покой России»

[Шпет 1989, 27] перед лицом актуальных геополитических и культурных задач.

Так же как историческая Византия, Россия стала связующим географическим звеном между Западом и Востоком. Новая столица России — Санкт-Петербург стал политическим преемником Константинополя, который, в оценке Н.Я. Данилевского, был перекрёстком всемирных путей. «Нет места на земном шаре, — отмечал Н.Я. Данилевский, — могущего сравниться центральностью своего местоположения с Константинополем» [Данилевский 2003, 354]. Подобно Константину Великому, создавшего новую столицу империи на берегах Босфора, царь Пётр стал основателем новой столицы Русского царства на берегах Невы. «Пётр Великий понял, что самым эффективным методом продвижения западной культуры в Россию будет сооружение новой столицы» [Тойнби 1996, 420]. С эпохи Петра Великого культурные интересы России становятся ориентированными в направлении Запад — Восток. По своему географическому и конфессиональному положению Россия оказалась между римско-католическим и протестантским Западом и древним христианским, буддийским, индуистским, конфуцианским и мусульманским Востоком. Римско-католическое влияние через Польшу проникло в районы западной России и в значительной мере предопределило центробежные тенденции среди западных малороссов. М. Бэринг в своей книге «Русский народ», говоря о различии характеров великороссов и малороссов, отмечает, что это более северные и более южные русские вроде того, как итальянцы в Пьемонте и южные итальянцы, или как северные и южные французы [Baring 1911, 34]. Существующее до сих пор украинское униатство является драматическим следствием измены православия четырёх западнорусских епископов, вступивших в Брестскую унию с Римско-Католической Церковью в 1596 году. Сепаратистские тенденции на Украине входили в круг политических расчётов Польши и Австро-Венгрии, заинтересованных в расчленении единой России. «Шаг назад сделал львовский профессор М. С. Грушевский, работавший в Австро-Венгрии, тоже нуждавшейся в политическом обосновании оккупации Австрией Галиции» [Гумилёв 1993, 28]. Что касается отношений России к нехристианскому Востоку, то здесь приоритетное значение придавалось исламу. Как известно, «изучение мусульманского Востока в России имеет давнюю историю и восходит ко времени Петра I» [Маточкин 2017, 108]. С XVIII в. «именно по его инициативе в стране началось активное изучение восточных языков» [Там же]. По указанию Петра Великого для направления в Китай на служение в Православной духовной миссии был посвящён в сан епископа Иннокентий (Кульчицкий), впоследствии первый епископ Иркутский. В XIX в. архимандрит Иакинф (Бичурин), назначенный начальником 9 — й Пекинской духовной миссии, стал осново-

положником научного китаеведения в России, снискав огромный авторитет, как в России, так и за границей, где его считали первым знатоком истории и современного состояния Китая [Хохлов 2009, 429]. Позднее, в том же XIX веке, иеромонах Николай (Касаткин), выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, стал основателем Православной Церкви в Японии, получившей в 1970 г. статус Автономной Православной Церкви в составе Московского патриархата [Саблина 2000]. В наше время, в 2018 году Русской Православной Церковью был образован новый экзархат, объединяющий русские православные приходы в Юго-Восточной Азии на территориях Вьетнама, Индонезии, Камбоджи, Китая, Кореи, Лаоса, Малайзии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда и Филиппин, с центром в Сингапуре.

В своём географическом распространении Россия дошла до естественных географических рубежей, которыми стали Ледовитый океан на севере, Балтийское море и Карпаты на западе, Кавказ и Памир на юге, Амур и Тихий океан на востоке. Тысячелетняя история Русской Церкви ознаменована её великой христианской миссии среди народов Русского Севера, Прибалтики, Поволжья, Кавказа, Урала, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Ареал заграничной миссии Русской Церкви в Синодальный период её истории включал Палестину, Иран, Монголию, Китай, Японию, а так же входившую в состав России Аляску. Утверждаясь на мировоззренческом и нравственном фундаменте христианской православной веры, Россия достигла высочайших вершин в своём культурном развитии. Она создала культуру, которая является классической по стилю, величественной в своём достоинстве и одухотворённой по своему содержанию. Исполняя своё высшее историческое предназначение, Россия стремилась служить делу Божьему на земле. Своей христианской религиозной философией, своей великой художественной литературой, своим высоким классическим искусством Россия осуществила достойный вклад в сокровищницу мировой мысли и мировой художественной культуры.

В истории мировой цивилизации веками и тысячелетиями совершался переход к универсальности. Но наряду с этим горизонтальным процессом история цивилизации отмечена вертикальным измерением, в котором открывается присутствие абсолютного Божественного начала: это пророческая весть о Боге, событие Воплощения и Пришествия Бога в мир, рождение Церкви и проповедь Евангелия во всём мире, история христианской цивилизации, подвиг российских новомучеников и возрождения христианской веры в современной России. Можно уверенно утверждать, что «теология — это христианское начинание» [Бертронг 2013, 835]. И, хотя во многих других культурных традициях мы можем найти «глубокие и убедительные аналоги западных норм

и форм теологического дискурса» [Там же], например, в буддизме и даосизме, природа религиозного дискурса конфуцианства лишь отчасти открывается в онтологически унифицированном космосе, в котором нет присутствия Личного Бога, сообщающего бессмертие индивидуальному человеку, но который наделяет людей желанием гармонии в единстве «неба, земли и человечества» [Там же, 657].

Уникальное геополитическое положение России, её тысячелетняя православная христианская традиция, её живая религиозность обязывают её к выполнению великого исторического предназначения, которое заключается не только в её актуальной культурной миссии, но и в её спасительном служении современному миру, в том, чтобы нести народам Востока и Запада свидетельство православной веры. В своём выдающемся труде «Наши задачи», который заслуживает наименования манифеста русского национального правосознания и долга, И.А. Ильин писал: «Отстаивая свою национальность, Россия боролась за свою веру и религию. Этим Россия, как духовный организм, служила не только всем православным народам и не только всем народам европо-азиатского территориального массива, но и всем народам мира. Ибо Православная вера есть особое, самостоятельное и великое слово в истории и в системе Христианства» [Ильин 1992, 234].

Вглядываясь в историческое прошлое нашего православного Отечества, мы чтим святых, героев и гениев, всех тех, кто своим трудом, молитвой, подвигом, созерцанием и творчеством созидали благоденствие, величие, могущество и славу России, кто вложил свою посильную лепту в её высокое историческое призвание. Наше восхищение историческим величием императорской России включает потаённую надежду на то, что это, казалось бы, безвозвратно ушедшее величие, является залогом её будущего великого возрождения. «Великое историческое призвание России, от которого только получают значение и её ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова» [Соловьёв 1989, 30].

Сто лет назад, в августе 1918 года, когда Россия после большевицкого переворота была ввергнута в огонь гражданской войны, Пётр Струве писал: «...мы скажем каждому русскому юноше: России... важно, чтобы ты чтит величие её прошлого и чаял, и требовал величия для её будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина... самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей... бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддержива-

лась Россия... Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию» [Струве 1991, 476].

Перед нами — «целая программа духовного, культурного и политического возрождения России» [Там же, 477], и в наше время следует помнить о нашем долге перед исторической Россией, о её высоком предназначении служить торжеству дела Божьего на земле. Н.О. Лосский в своей работе «Характер русского народа» высказывал оптимистическую надежду на возрождение христианских основ русской культуры после падения советского режима в России. «Тогда миссия русского народа, о которой говорили Достоевский и Вл. Соловьёв, будет успешно осуществляться в жизни человечества» [Лосский 1990, 51].

Лейбниц видел миссию России в просвещении нехристианского Востока. А. Тойнби считал, что спасти мир может только общая для всего человечества универсальная религия, представляя в качестве приоритетного начала «западную и православно-христианскую цивилизацию с ветвью православного христианства в России» [Тойнби 1996, 423]. П. Тиллих в своих размышлениях о России отмечал, что «Восточная Церковь — это Церковь священного мистицизма, но не Церковь с социальными или политическими идеалами» [Тиллих 1995, 368]. Шпенглер отмечал, что «религия, дошедшая до социальной проблематики, перестаёт быть религией» [Шпенглер 1998, 211], и предсказывал, что «христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию» [Там же]. Розеншток-Хюсси провозглашал тезис о духовном единстве человечества: «Один Бог, один мир, один человеческий род» [Розеншток-Хюсси 2000, 489], потому что «один Человек должен быть по праву назван Богом на все времена» [Там же, 485]. К. Ясперс в своей книге «Смысл и назначение истории» проводил идею о том, что «сегодняшний мир с его сверхдержавами — Америкой и Россией, — с Европой, Индией и Китаем, с Передней Азией, Южной Америкой и остальными регионами земного шара... во всё возрастающей степени настойчиво требует политического объединения» [Ясперс 1991, 52]. Если исходить из изначального смысла греческого термина «политика» как искусства жить вместе, то «объединение людей для свершения мировой истории» [Там же] состояло бы в той грандиозной трансцендентальной цели, которая заключается в актуальном исполнении Евангелия в человеческой жизни.

В прозрениях великих мыслителей Нового времени можно увидеть исполнение пророческих предсказаний В.С. Соловьёва о том, что мир должен придти к идее Церкви, а Церковь должна освятить Божественной благодатью все достижения человеческой культуры. В этом всемирно-историческом процессе на его современном этапе ведущая роль принадлежит России, и, по-видимому, будет принадлежать ей в реальном обозримом будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт 2014 — Барт К. Церковная догматика. Том III. М., 2014.
2. Бертронг 2013 — Бертронг Дж. Х. Китайская (конфуцианская) философская теология // Оксфордское руководство по философской теологии. М., 2013.
3. Гумилев 1993 — Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993.
4. Гильдебанд 1998 — Гильдебанд Д. Новая Вавилонская башня. СПб., 1998.
5. Данилевский 2003 — Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2003.
6. Дройзен 2002 — Дройзен И. Г. История эллинизма. Том I. История Александра Великого. СПб., 2002.
7. Дугин 2010 — Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер. Философия другого начала. М., 2010.
8. Ильин 1992 — Ильин И. А. Наши задачи. Том I. М., 1992.
9. Конрад 1972 — Конрад Н. И. Восток и Запад. М., 1972.
10. Лихачёв 1989 — Лихачёв Д. Заметки и наблюдения. Л., 1989.
11. Лосский 1990 — Лосский Н. О. Характер русского народа. Книга вторая. М., 1990.
12. Маточкин 2017 — Маточкин А. И. Изучение ислама и арабско-мусульманской культуры в трудах российских востоковедов на рубеже XIX — XX вв. // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. Издание Амурского государственного университета. Благовещенск, № 2. 2017.
13. Милюков 1930 — Милюков П. Очерки русской культуры. Том III. Париж, 1930.
14. Новгородцев 1991 — Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991.
15. Рикёр 2017 — Рикёр П. Философская антропология. М., 2017.
16. Розеншток-Хюсси 2000 — Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого. М. — СПб., 2000.
17. Роте 1985 — Роте Г. Возникновение славянских культур и их значение в современном мире // Славянские культуры и мировой культурный процесс. Материалы Международной научной конференции Юнеско. Минск, 1985.
18. Саблина 2000 — Саблина Э. Б. Православная Церковь в Японии в конце XIX — XX вв. и её основатель святой Николай. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2000.
19. Соловьёв 1989 — Соловьёв В. С. Три силы // Соловьёв В. С. Сочинения в двух томах. Том 1. Философская публицистика. М., 1989.
20. Струве 1991 — Струве П. Б. Исторический смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991.
21. Тиллих 1995 — Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.
22. Тойнби 1996 — Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1996.
23. Троицкий 2007 — Троицкий В. П. История античной эстетики // Русская философия. Энциклопедия. М., 2007.
24. Уайтхед 1990 — Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
25. Уотсон 2017 — Уотсон П. Эпоха пустоты. М., 2017.
26. Хохлов 2009 — Хохлов А. Н. Иакинф (Бичурин) // Православная энциклопедия. Т. XX. М., 2009.
27. Чаадаев 1989 — Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989.
28. Шпенглер 1998 — Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.
29. Шпет 1989 — Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.
30. Ясперс 1991 — Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
31. Baring 1911 — Baring M. The Russian people. L.: Methuen & Co.LTD, 1911.
32. Marcel 1935 — Marcel G. Etre et avoir. Paris, 1935.
33. Pares 1915 — Pares B. Day by day with the Russian Army. London, 1915.

© Саврей Валерий Яковлевич (vsvry@icloud.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»